

так называемые подарки, например «по боченку красного вина и Смирнского мускату каждому» (61). В книжке «Комиссии и исполнения» он записывает: «Для двора прислать также семена разные. Собрать в Смирне разное — анатолийское дерево, лавры, мраморы, кораллы, из коих не худо и ко двору посылать» (395). Хемницер то и дело справляется у Львова, имеющего доступ к Безбородко, о реакциях на его донесения и приходит в восторг от благосклонных отзывов. «Боже мой, как меня порадовало, что они обо мне вспоминают таким тоном <...> Дай и впредь угодить <...> Начав служить с 1757 года, впервые службу исправил в 1783 году!» (59, 76, 88).

Хемницер благодарит Львова за советы, беспокойно ожидает новых сведений об отношении к своим реляциям, отчитывается перед другом в настоятельных попытках добиться расположения вельмож, идет на обременительные для жалования подношения. И все это он делает с каким-то чувством опустошающей усталости, которую плохо удастся скрыть в письмах и от Львова, и от себя. Хемницеру была тяжела противоестественная его натуре роль искателя мест. Он искренне удивляется, когда удается написать дельное письмо «только по внушению чувств» (49). Внутреннее напряжение он пытался снять через едкие басни и хлесткие сатиры. Может быть именно унижению, испытанному в приемных «больших бояр», обязаны мы лучшими строками Хемницера.

«Ступай, ступай, скоряй!» — повсюду слышен звук,
И топот лошадей, и лишь каретный стук.
Вся сила конская в пары уж исчезает
И город облаком, как мраком покрывает.
И все на тот конец, поклон, чтоб развести,
Как будто чтоб себя чем от беды спасти.⁴¹

Хемницер не был циничен, когда одним пером строчил прошения и обличительные стихи. В его сатирах больше горечи собственного опыта, чем язвительности стороннего наблюдателя:

Уж для меня и то уж скукой мнится быть,
Чтобы по городу поклоны разносить
И, выпуча глаза, пешком или в карете,
Поклоны развозить к боярам на рассвете,
И время в суете столь гнусной провожать,
И беспокоиться, досадовать, скучать.⁴²

Браня «беспутства и дурости» («Сатира на прибытокжаждущих стихотворцев»), он не столько упражнялся в остроумии или пытался бороться с пороками, сколько снимал накипь с собственной души. Не случайно, выпустив довольно слабые в поэтическом отношении

⁴¹ Там же. С. 174. («Сатира на поклоны»).

⁴² Там же. С. 165—166. («Сатира на худое состояние службы и что даже места раздаваемы бывают во удовольствие лихоимства»).